

С развитием махаяны положение изменяется, апофатическая мистика уступает место катафатической. Свет становится центром внимания направляющихся к достижению состояния Будды. Достаточно напомнить им знаменитых Будд, чтимых в махаяне: Амитабха — «Бесконечный Свет», пребывающий в своей благодатной стране (Чистой Земле) всех призывающих с любовью его имя; Вайрочана — «Сияющий Блеск». Этот последний уравнен с помещенным в центре, но воздействующим на весь космос источником света (что воспроизводит его китайское имя 大日 (Dari), «Великое Солнце»). Это первобытный Будда Ади-Будда, другие Будды — это его проявления. Можно обоснованно судить, что сияющие имена Будд связаны с содержанием медитационного опыта.

Видение света как знак религиозного свершения распространилось в буддийской тантре. В тибетском буддизме указывается даже на случаи абсорбции тела уходящего монаха через свет, или возникновения радужного тела, о чем упоминает Мэтью Капстеин в статье *The Strange Death of Pema the Demon Tamer* 8.

Моя статья это лишь вступление к более широким сравнительным исследованиям. Аналогии в содержании мистических опытов христианства и буддизма кажутся обоснованными. Стоит отметить тоже, что сходства больше по отношению к ранним стадиям обеих религий, когда упомянутое содержание опытов не было еще подвергнуто доктринальной обработке.

ФУНКЦИИ И РОЛЬ МАНТР В АВЕСТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

*А. С. Миксюк
(Минск, Беларусь)*

Авеста является священной книгой зороастризма и древнейшим письменным источником по истории Ирана, отражающим реалии общественной жизни, особенности менталитета, представления об окружающем мире. Разумеется, являясь книгой религиозного характера, Авеста сконцентрирована на описаниях и толкованиях положений веры, правилах проведения обрядов и ритуалов, элементах культа, что предполагает наличие разветвленной терминологии, отражающей ритуальную деятельность. И, без сомнения, одним из важнейших элементов авестийского культа являлись сакральные тексты. Само место пребывания бога Ахура Мазды на небе носило символическое название «Дом песни» — *gaṇō dēmtāna* (Ясна 45, 8; Ясна 51, 15).

Авестийская лексика, имеющая отношение к устной речи, как к составной части культа, весьма обширна:

- *afsmāna* — стихи, стих, строфа (Ясна 46, 17);
- *ixdā/ixda* — произнесенное или сказанное слово, молитва, святое слово (Ясна 28, 6; Ясна 43, 5; Ясна 44, 10 и др.);
- *səṇghō* — учение, доктрина, проповедь, возвешение (Ясна 48, 3; Ясна 51, 14);
- *srava-* — слово, молитва, священный текст, гимн (Ясна 32, 10; Ясна 34, 15; Ясна 49, 6);
- *vaśah-/vāxš* — слово, речь, фраза, выражение (Ясна 28, 11; Ясна 31, 1; Ясна 45, 1-2 и др.);
- *vahita-* — молитва, поклонение, прославление, призыв (Ясна 34, 2; Ясна 45, 6; Ясна 48, 1 и др.);
- *zavan-* — крик, призыв, зов (Ясна 28, 3; Ясна 29, 3 и др.).

Одним из наиболее часто употребляемых авестийских терминов является термин *maθga-* (мантра), обозначающий «магически действенное обрядовое заклинание»¹. Мантры строились по иным принципам, нежели обычная разговорная речь, что отражалось в использовании особых приемов: повторов, аллитерации, сложных метрических схем². Размер и звучание текстов являлись самостоятельными составляющими ритуала. Сами Гаты, древнейшая часть Авесты, представляют собой долгое время передаваемые устно ритуальные гимны, составленные в соответствии со строгими правилами. Возможно, мантры могли читаться в музыкальном сопровождении, хотя однозначно установить это сегодня не представляется возможным.

Мантры существовали в ритуальной практике еще до распада индоевропейской общности, что подтверждается наличием ряда общих реконструируемых формул и специальных терминов³. Особо близки между собой реалии Авесты и Вед: метрика Гат, древнейшей части Авесты, близка ригведийским гимнам⁴. В санскрите также присутствует термин *mantra* (название священных стихов магических гимнов, составляющих самхиты; волшебство; заклинание; замысел, план; совет, наставление)⁵.

¹ Лелеков, Л. А. Зороастризм. Явление и проблемы // Локальные и синкретические культы. — М.: Наука, 1991. — С. 20.

² Beekes, R. A Grammar of Gatha-Avestan / R. Beekes. — Leiden: E.J. Brill, 1988. — P. 1–9.

³ Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. — Тбилиси: Издательство Тбилисского Университета, 1984. — Ч. 2. — С. 833–834.

⁴ Kochhar, R. Vedic People, Their History and Geography. — New Delhi: Orient Longman Limited, 2000. — P. 31.

⁵ Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь / под ред. В. И. Кальянова; с приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1987. — С. 495–496.

Исходя из текста Гат, мантру можно охарактеризовать так:

- может быть представлена в виде короткой формулы (Ясна 28, 5);
- сопровождает возлияние (*āzītōiš*) (Ясна 29, 7);
- создана Ахурой Маздой (Ясна 29, 7);
- составляется согласно истине (Ясна 44, 17);
- помнится и читается людьми (Ясна 43, 15);
- может произноситься лживыми (Ясна 31, 18);
- приносит наилучшую награду тому, кто ее произносит (Ясна 31, 6);
- те, кто произносят мантры не так, как это делал Заратуштра, будут наказаны (Ясна 45, 3).

По мнению создателей Авесты, сами слова мантр обладали сакральной силой и являлись своеобразным орудием в борьбе со злом. Так, к примеру, молитва «Ахуна-Вайрия» называется в Авесте «таким мощным оружием, словно камень величиною с дом» (Яшт 17, 20). Традиция гласит, что сам Заратуштра ввел в обязанность каждого верующего чтение молитв пять раз в день⁶. Заратуштре также приписывают авторство многих сакральных мантр (в т. ч. Гат), которые жрецам следовало читать во время проведения ритуалов, а также молитв, которые предназначались для прочих общинников.

Практически все исследователи староавестийского культа отмечают его простоту и делают акцент на смысле, который вкладывался в ритуал, а не на действиях, которые его сопровождали⁷. Вероятно, знаменитая зороастрийская этическая триада «благие помыслы, благие слова, благие деяния» первоначально могла обозначать именно ритуал, в проведении которого жрецы должны были сочетать необходимые действия и слова (т. е. мантры) с правильной установкой, правильными намерениями⁸. Действительно, в Гатах отсутствуют упоминания каких-либо инструментов, принадлежностей или орудий, необходимых для проведения ритуала, а наиболее часто упоминаемым обрядом является чтение мантр с воздетыми руками (Ясна 28, 1; Ясна 29, 5; Ясна 50, 8). Таким образом, мантры в Гатах являются практически самостоятельным элементом ритуала.

В Авесте неоднократно упоминается о том, какое огромное значение имеет точное и безукоризненное выполнение всех законов, данных Ахура Маздой. И в первую очередь это касается соблюдения точности при ритуальных действиях (Ясна 34, 12):

*Каково от тебя приказание? Что ты желаешь? Что относительно
но или восхваления, или жертвы? Чтобы слушать, Мазда, говори то,*

⁶ Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс. — М. : Наука, 1987. — С. 42.

⁷ Dhalla, M. History of Zoroastrianism / M. Dhalla. — New York, London : Oxford university press, 1938. — P. 73.

⁸ Бойс, М. Указ. соч. — С. 31.

по которому распределит награды за точность. Наставь нас с истиной на пути, хорошо проходимые благой мысли.

В Младшей Авесте используется специальный термин для обозначения того, кто совершает обряды без знания соответствующих правил (в т. ч. священных текстов) — *aṣəmaoṣha*, «тот, кто оскверняет, уничтожает истину» (Ясна 16, 8). Тот, кто, не имея должных знаний и навыков, совершал ритуал, не только признавался за смертного грешника, но и подвергался суровому наказанию, как настоящий преступник⁹. Авеста предостерегает, что в случае проведения обряда лже-жрецом благополучие не вернется, пока он не будет наказан смертью (Видевдат 9, 56).

В связи с этим особую важность приобретала необходимость сохранения и передачи сакральных знаний, что, несомненно, входило в обязанности жрецов, т. к. именно они единственные считались *maṣəmna-*, т. е. «сохраняющими знания» (Яшт 5, 86; Яшт 16, 17 и др.), и *vidva-*, т. е. «знающими» (Ясна 51, 8):

Но тебе же я скажу, Мазда, знающему муж пусть скажет, что в зле лживому — [воздание], что счастливое [тому, кто] истину создает. Тот же провозглашающий мантры радующийся, который знающему говорит.

Ученику следовало во всем следовать указаниям своего наставника до тех пор, пока он не сможет «все те слова произнести, которые первый учитель произносил» (Видевдат 4, 45).

В Младшей Авесте происходит усложнение ритуала. Произнесение нужных формул теперь сопровождается определенными, строго очерченными действиями в зависимости от назначения обряда. Однако мантры по-прежнему составляют один из важнейших элементов культа. Так, чтение мантр сопровождает проведение ключевого ритуала Авесты — ясны (авест. *yasna* — «жертва», «жертвоприношение», «почитание»), от правильного воспроизведения которой зависела стабильность миропорядка. Во время ритуала читался раздел Авесты, носящий соответствующее название «Ясна» и включающий в себя, в т. ч., древние Гаты. В проведении ритуала принимало участие восемь жрецов, между которыми были строго разделены функциональные обязанности (Видевдат 5, 57). Сама Авеста не объясняет, какими они были, однако они реконструируются на основе морфологического разбора самих терминов. Один из восьми терминов (*zaotar*) связан с произнесением сакральных формул во время ритуала, «взыванием» к богам (Ясна 14, 1; Ясна 65, 9; Яшт 3, 1; Висперад 3, 7 и др.).

Несомненную важность мантр демонстрирует другой термин, обозначающий жреца, производный от слова *maθga-* — это *maθgan-* (*maṇθran-*).

⁹ Леманн, Э. Персы / Э. Леманн // Иллюстрированная история религий: в 2 т. / Под ред. Д. П. Шантепи деля Соссей. — М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1992. — Т. I. — С. 175.

Дословно данный термин может быть переведен, как «тот, кто знает мантры», «тот, кто произносит мантры», «произносящий мантры». Нередко также можно встретить следующий перевод: «проповедник», «пророк»¹⁰. Чаще всего данный термин используется применительно к самому Заратуштре, а также в качестве обозначения ритуальной деятельности жрецов авестийского культа (Ясна 32, 13; Ясна 41, 5; Ясна 51, 8 и др.). Любопытно отметить, что, хотя слово *maθra-* неоднократно встречается в Младшей Авесте, термин *maθran-* там отсутствует.

В Гатах встречается еще один термин, схожий по значению с термином *maθran-*, — это термин *staotā*, происходящий от корня *stu-* со значением «восхвалять», «прославлять», «воспевать», «превозносить» и суффикса деятеля *-tar-*. Таким образом, термин можно перевести как «восхвалитель», что отражает значимость хвалебных гимнов, содержащих обращения к богам, в авестийском ритуале. И вновь так именует себя сам Заратуштра (Ясна 41, 5):

Твоими восхвалителями и произносящими мантры, Ахура Мазда, мы провозглашаем себя, желаем быть и готовы.

Существует мнение, что «песнопевцы», «стихотворцы», «пророки» приравнивались к жречеству, но не относились к нему¹¹, однако, вероятнее всего в Гатах данные термины применялись для обозначения самих жрецов, поскольку только они могли знать правильные слова для совершения ритуала. Таким образом, все термины, имеющие отношение к ритуальной деятельности в Гатах (*maθran-*, *staotā*, *zaotar*), напрямую связаны с устной речью.

В Младшей Авесте нередко упоминается список из следующих терминов, указывающих на разные обязанности жреца: «восхвалитель, жрец, взыватель, произносящий мантры, жертвователь, благословитель, воспевающий блага, действующий» (Ясна 14, 1; Яшт 3, 1; Висперад 3, 7 и др.). Очевидно, что большинство из них имеет отношение к произнесению сакральных текстов.

Таким образом,

- мантры являются основным элементом авестийского ритуала как в Гатах, так и в Младшей Авесте;
- мантры наделяются сакральной силой;
- главным критерием действенности мантр является точность при произнесении;
- многие термины, обозначающие авестийских жрецов (*maθran-*, *staotā*, *zaotar*), напрямую связаны с мантрами и устной речью.

¹⁰ Bartholomae, Ch. Altiranisches Wörterbuch / Ch. Bartholomae. — Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904. — Р. 1179.

¹¹ Гамкрелдзе, Т. В. Указ. соч. — С. 836.